

**Взаимодействие античного и библейского
в «Новых стихотворениях» Р. М. Рильке**

Эллинская культура пространства и древнееврейская культура времени — именно эти два начала сформировали такую многогранную европейскую культуру. Эти две традиции кардинально отличны и по своим взглядам, и по своему содержанию. Понимание сущности человека, его места в мире, различные принципы воплощения бытия, основные этические положения, религиозные воззрения — во всем проявляются кардинальные различия двух культур. Это подчеркивает С. С. Аверинцев: «Греция дала образец меры, Библия — образец безмерности; Греции принадлежит “прекрасное”, Библии — “возвышенное”, то особое качество, которое в природе присуще не обжитым местностям, но крутизнам гор и пучинам морей. Тема греческой поэзии — статика формы, тема библейской поэзии — динамика силы. Грек Протагор сказал: “Человек есть мера всех вещей”; но Библия рисует бытие, как раз неподвластное человеческой мере, несоизмеримое с ней» [1, с. 189]. Однако, несмотря на все различия, двум началам — античному и

библейскому — удалось слиться воедино и воплотиться в культуре европейской цивилизации. Особое слияние произошло в литературе, свидетельством чему стала поэзия Райнера Марии

Рильке, одного из крупнейших немецкоязычных поэтов рубежа XIX–XX вв. Он жил в переломную эпоху, пытался искать пути исцеления общества в искусстве и религии, что у него, к сожалению, не получилось. Г. В. Синило пишет о Рильке: «Он остро ощущал переломность своего времени, его катастрофичность, четко осознавал угрозу человеческому духу и всю жизнь стремился защитить его, не позволяя себе ни грана высокомерного снобизма по отношению к малому, незаметному, земному, не пятная себя ни малейшим пятном национальной ограниченности и шовинизма» [6, с. 692].

Поэзия Рильке разнообразна, противоречива, но в то же время гармонична — она соединяет традиции не только античной и библейской культур, но и чешской, немецкой, австрийской. Особенно ярко это представлено в сборнике «Новые стихотворения» (1907–1908), обозначившем новый этап поэтического раз-

вития Рильке и выявившем удивительное тематическое разнообразие его поэзии. Она очень насыщена различными мотивами, аллюзиями, реминисценциями. Это отметил в свое время выдающийся австрийский писатель Роберт Музиль в «Речах о Рильке»: «Она [поэзия] говорит о скрипке, о камне, о белокурой девушке, о фламинго, о колодцах и городах, о слепцах и сумасшедших, попрошайках и ангелах, увечных и рыцарях, богачах и королях... <...> она становится поэзией о любви, лишениях и благочестии, о ярости схватки, поэзией простого описания, нагруженного вдобавок культурными реминисценциями... она становится песней, балладой, легендой... Никогда она не является тем самым, что составляет содержание поэзии; всегда она является чем-то, является непостижимым бытием этих представлений и вещей, их непостижимым соседствованием и невидимой сплетенностью друг с другом, что вызывает и направляет лирическое впечатление» [2, с. 532].

На создание сборника «Новые стихотворения» повлияло знакомство и сотрудничество Рильке с Огюстом Роденом, а позже — с Полем Сезанном. Как известно, Роден в своих скульптурах использовал библейские сюжеты. Поэт стремился так же пластично передать образы своих героев, в особенности библейских, как и его вдохновитель Роден. Отсюда и возникает концепция *Ding-Gedicht* — «стихотворения-вещи», «предмета-стихотворения». В этой концепции акцентируется независимость стихотворения от автора, его объективность: стихотворение предстает как самостоятельная «вещь», которая живет своей собственной жизнью. Смело можно сказать, что стихотворение становится словесным эквивалентом не только скульптуры, но и пластического искусства вообще. И уже в соединении формы и содержания можно увидеть синтез античной пластичности, скульптурности и библейской «культуры слова». В качестве примера такой текучести, пластичности слова можно привести фрагмент из стихотворения «Иеремия»:

Täglich tönte ich von neuen Nöten,
die du, Unersättlicher, ersannst,
und sie konnten mir den Mund nicht töten;
sieh du zu, wie du ihn stillen kannst
wenn, die wir zerstoßen und zerstören,
erst verloren sind und fernverlaufen

und vergangen sind in der Gefahr:
denn dann will ich in den Trümmerhaufen
endlich meine Stimme wiederhören,
die von Anfang an ein Heulen war. [7, с. 125]

Горе горлом льется ежедневно.
Ненасытный, Ты на том стоишь!
Только не убить мой рот плачевный,
если можешь,— Ты его утишь.

И когда, отринутые свыше,
распылясь среди земель пустынных,
из последних выбьемся мы сил,—
без свидетелей, один в руинах
вновь тогда свой голос я услышу —
тот, что изначально ревом был.

(Здесь и далее перевод К. Богатырева) [4, с. 119]

Обращают на себя внимание анжамбманы, ассонансы и аллитерации, придающие стихотворению особую эмоциональную напряженность (что в переводе не полностью удалось сохранить). Очевидна и традиция гёльдерлиновского стиха с его сложными многослойными конструкциями. О взаимодействии античной и библейской традиции здесь можно говорить с позиции воплощения образов: в пластичную форму, характерную для античного искусства, облечен образ библейского персонажа.

С другой стороны, можно говорить о взаимодействии двух древнейших культур с позиции композиции и проблематики. Г.И. Ратгауз писал о «Новых стихотворениях»: «Это не сборник стихов, а книга с продуманной композицией. Некоторые стихотворения служат для обрамления книги в целом; существуют проблемно-тематические циклы — мифологически-античный, библейский, средневековый; циклы выражены то определеннее, то слабее, находятся в некотором иерархическом подчинении» [3, с. 447].

Сборник начинается с цикла стихов, посвященных античным героям. Открывает его стихотворение «Ранний Аполлон», в котором, как, в общем-то, в очень многих стихотворениях, нет указания на самого героя, не называется его имя. Считается, что Рильке описывает архаический бюст Аполлона, находящийся в Афинах. Стихотворение

подобно самой скульптуре — так плавно одна строка переливается в другую, описание переходит с одной линии торса на следующую и в итоге создает целостный, гармоничный и законченный образ прекрасного Аполлона. Это достигается и за счет того, что стихотворение написано одним предложением, включающим в себя множество вставных конструкций и перечислений. Приведем фрагмент из него, мастерски переведенный на русский язык:

Как иногда в сплетенье неодоетой
листвою чащи проникает плеск
весны в разливе утра, — так и это
лицо свободно пропускает блеск

стихов, сражающих нас беспощадно... [4, с. 7]

Далее следуют стихи, посвященные известнейшим древнегреческим поэтам, а точнее, поэтессам и одному поэту — Сафо, Эранне и Алкею. Венчает же этот цикл и в то же время является переходным стихотворение «Восточная дневная песнь». Оно впитало в себя одновременно обе традиции. С одной стороны, уже само название отсылает к излюбленному жанру античных поэтов — песни, с другой же — Рильке подчеркивает, что она восточная, то есть ассоциируется с древнееврейской культурой. Содержание это лишь подтверждает: форма выражения чувств лирического героя очень характерна для античной лирики, но нельзя не заметить и аллюзий на библейскую Песнь Песней. В качестве наглядного примера приведем первую строфу стихотворения:

Край ложа, на котором ты уснула,
как узкая полоска побережья.
Волна твоих грудей перевернула
все чувства, вырвав их из безмятежья. [4, с. 15]

Данное стихотворение, уже содержащее в себе библейские мотивы, и подводит читателей к следующему циклу — собственно библейскому. Начиная с сюжетов, связанных с царем Давидом, заканчивает Рильке сюжетами из жизни Христа. Такое построение, вероятно, не случайно, ведь согласно Библии, Иисус происходит именно из рода Давида, которому дано следующее пророчество:

«Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семья твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. // Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки. // Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; // но милости Моей не отниму от него, как Я отнял от Саула, которого Я отверг пред лицом твоим. // И будет непоколебим дом твой и царство твое на веки пред лицом Моим, и престол твой устоит во веки» (2 Цар 7:12–16).

Вторая часть сборника является еще более показательной. Начиная со стихотворения «Архаический торс Аполлона», Рильке отсылает читателя к первой части, желая показать их связь и даже эволюцию:

Нам головы не довелось узнать,
в которой яблоки глазные зрели,
но торс, как канделябр, горит доселе
накалом взгляда, убранного вспять,

вовнутрь. Иначе выпуклость груди
не ослепляла нас своею мощью б,
от бедер к центру не влеклась наощупь
улыбка, чтоб к зачатию прийти. [4, с. 107]

Здесь уже нет тех нот романтизма, нет легкости и пластичности образа. Чувствуется влияние экспрессионистской традиции с ее чеканностью стиха, яркой образностью и эмоциональностью. Такая же яркая образность очевидна и в стихотворении «Плач об Ионафане», открывающем библейский цикл во второй части:

Denn da und da, an meinen scheuesten Orten,
bist du mir ausgerissen wie das Haar,
das in den Achselhöhlen wachst und dorten,
wo ich ein Spiel für Frauen war. [7, с. 120]

Повсюду там, где мы пугливо-нежны,
ты вырван из меня, как клочок волос
подмышками иль в тесноте промежуной –
в игралище девичьих грез. [4, с. 114]

Ионафан, как известно, сын царя Саула, верный друг Давида. Погибнув вместе со своим отцом в сражении с филистимлянами, Ионафан был оплакан Давидом (см. *2 Цар 1*). Примечательно, что античный цикл у Рильке завершается стихотворением «Плач об Антиное». Антиной — греческий юноша, прославившийся своей красотой и ставший возлюбленным римского императора Адриана, погиб в водах Нила при невыясненных обстоятельствах. Особый интерес представляет то, как две в чем-то схожие истории соседствуют на страницах «Новых стихотворений» Рильке.

Если в первой части сборника поэт выносит больше стихотворений античной тематики, то уже во второй заметно явное доминирование библейской. По поводу взаимодействия этих двух начал в поэзии Рильке Г. В. Синило пишет: «Поэт как бы мыслит культурами, отчетливо осознавая, что культура европейская вырастает на скрещении двух равновеликих влияний — античного (эллинского) и библейского (древнееврейского), на скрещении двух различных концепций времени — времени языческого, движущегося по замкнутому кругу и потому наиболее органично воплощающегося в символике мифа об умирающем и воскресающем божестве, и времени библейского, впервые обретшего направленность, ставшего историческим временем, летящим от сотворения мира к светопреставлению» [5, с. 167].

Очевидно, что две традиции — античная и библейская — дали австрийскому поэту мощный импульс к созданию ярких и глубоких стихотворений, к становлению концепции «предмета-стихотворения», пронизывающей весь сборник и гармонично сочетающей в себе античную пластичность и библейскую силу слова.

Литература

1. Аверинцев, С. С. Арфа царя Давида : У истоков древнейшей лирической традиции / С. С. Аверинцев // Иностранная литература.— 1988.— № 6.— С. 189-191.
2. Музиль, Р. Малая проза. Избранные произведения : в 2 т. / Р. Музиль ; пер. с нем. и предисл. А. Карельского ; сост. Е. Кацевой.— М., 1999.
3. Ратгауз, Г. И. Райнер Мария Рильке (Жизнь и поэзия); Примечания / Г. И. Ратгауз // Новые стихотворения; Новых стихотворений вторая часть / Р. М. Рильке ; изд. подгот. К. П. Богатырев, Г. И. Ратгауз, Н. И. Балашов.— М., 1977.— С. 373-525.

4. Рильке, Р. М. Новые стихотворения; Новых стихотворений вторая часть / Р. М. Рильке ; изд. подгот. К. П. Богатырев, Г. И. Ратгауз, Н. И. Балашов.— М., 1977.

5. Синило, Г. В. Рецепция библейских образов в лирике Рильке и Пастернака / Г. В. Синило // Славянские литературы в контексте мировой : материалы Междунар. науч. конф. (Минск, БГУ, 25–30 октября 1993 г.).— Минск, 1994.— С. 167–171.

6. Синило, Г. В. Рильке / Г. В. Синило // Большой энциклопедический словарь / гл. науч. ред. и сост. С. Д. Солодовников.— Минск, 2002.— С. 692–694.

7. Rilke, R. M. Die Neue Gedichte; Der neuen Gedichte anderer Teil / R. M. Rilke. Leipzig, 1981.

Е. К. Сельченко

Минск, Белорусский государственный университет

Социокультурный потенциал гностических идей

Несмотря на то, что время расцвета гностицизма как течения (весьма пестрого и разнородного по своему составу) приходится на II–III вв. н.э., сами гностические спекуляции, характерные образы и идеи не прекратили своего существования вместе с распадом самого течения в ходе давления оформившейся ортодоксальной христианской церкви римского образца.

Гностицизм в силу специфики своего мировоззрения может быть причислен к элитарным религиям, потому по определению не мог стать массовым. Но его идеи остались востребованными в среде тех, кто противопоставлял себя общепринятой системе, будь то религиозная картина мира или политическое устройство государства. *«Гностицизм стал наиболее последовательным и непримиримым врагом каждого учения, которое довольствовалось существующими порядками или пыталось найти какое-либо компромиссное решение. В качестве компонента религиозного движения эпохи поздней античности за освобождение угнетенных он был гуманистичен и прогрессивен постольку, поскольку выступал с требованием полного уничтожения и преодоления старого порядка»* [3].

Л. Н. Гумилев определял гностицизм (а также все исторические производные от него — манихейство, павликианство, богомилство, альбигойство и т.д.) как антисистему. Под антисисте-